УДК 340.12

DOI 10.33184/pravgos-2021.1.5

ТИМОНИН Анатолий Николаевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru

**ТОМАС ГОББС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВА:
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА
КОМБИНИРОВАННОЙ КОНЦЕПЦИИ**

Актуальной задачей отечественной юридической науки на современном этапе ее развития является необходимость переосмысления трудов классика юснатурализма и контрактаризма – Томаса Гоббса, внесшего громадный вклад в разработку идейно-теоретических основ государства и права евроатлантической цивилизации. **Цель:** комплексный анализ этатгенетической концепции Т. Гоббса. **Методы:** диалектической и формальной логики, интерпретации, исторический, логический, проблемно-теоретический, сравнительный, текстологический. **Результаты:** изучен исторический контекст, в котором происходило формирование этатгенетической концепции Т. Гоббса. Выявлены фундаментальные принципы, которые пронизывают все содержание этой концепции: индивидуализм и волюнтаризм. Даны ее сущностные характеристики, которые отражают сложное, причудливое сочетание самых разных начал: идеализма и реализма, откровенного вымысла и эмпирики. Среди них особо выделяются естественно-правовое и договорное начала. Их комбинация при ведущей роли общественного договора определила суть рассматриваемой концепции. Установлено, что, несмотря на широчайшее применение сугубо дискурсивного подхода, Т. Гоббс заслуженно снискал себе всемирную славу в результате виртуозной реализации своих искусственных конструкторов в процессе научного разрешения сложнейшей проблемы происхождения государства.

Ключевые слова: «естественное состояние»; «война всех против всех»; происхождение государства; «Левиафан»; общественный договор; индивидуализм; волюнтаризм.

Для всякого исследователя происхождения государства и цивилизации, будь то философ эпохи модерна или же наш современник, очевид-

на специфика проблемной ситуации, которая проявляет себя как «воронка времени». Давно замечено: чем глубже мышление погружается в историю, тем чаще обнаруживают себя принципиальная неполнота исторического знания и взаимная противоречивость фактов. Особенно велика эта неполнота была в эпоху модерна – тогда она достигала необъятных размеров. Поэтому всякое погружение в первоначальную историю человечества было чревато появлением все новых умозрительных конструкций, для которых до сих пор существует довольно широкий простор. Такого рода конструкции – типичный продукт спекулятивного мышления, в собственных интересах использующего трудности исторической науки. Неудивительно, что еще в XVII в. участились попытки решить проблему генезиса государства и цивилизации чисто спекулятивным путем, избавленным от скрупулезного анализа немногочисленных эмпирических фактов. Именно такой путь предпочел Т. Гоббс, когда создавал своего знаменитого «Левиафана». Всецело полагаясь на собственную логику, он разделил всю историю человечества на две большие стадии: стадию естественного состояния и стадию цивилизованного, гражданского состояния.

Противопоставление двух стадий, двух макротипов общественного развития было известно задолго до Гоббса. Но только у автора «Левиафана» предыстория цивилизации собрала все оттенки черного и выглядит как обитель вечного страха и вечной войны. Действительно, в таком состоянии «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна». Но не только первобытный страх перед неведомыми силами природы, перед крупными хищниками, перед столь же хищными соседними племенами и такими же соседями по поселку отличает «естественное состояние» от цивилизации. В нем не существовало многих атрибутов цивилизованного образа жизни: земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, ремесла, литературы и даже «общества» [1, с. 182]. Налицо особый мир, населенный Гоббсом воинствующими эгоистами-индивидуалистами, мир отъявленных злодеев, потенциальных и реальных разбойников и убийц.

Столь мрачная картина природы человека – продукт реализации идеи о врожденной порочности не только перволюдей, но и современного Гоббсу человечества, погрязшего в бесконечных религиозных, гражданских и прочих войнах. Вот почему для мира, в котором обитали и Гоббс, и Гроций, главной проблемой была война. Даже в Париже, в том самом Париже, где Гоббс создавал своего «Левиафана», было крайне неспокойно, как и во всей Франции, приютившей знаменитого философа, истекавшей кровью, страдающей от гражданской войны [2, р. 9]. Таков мрачный

контекст творения Т. Гоббса. Он выстроил свою модель «естественного состояния» по образу и подобию гражданской войны другой исторической эпохи – эпохи модерна.

Предельно возможной на тот момент форме этатизма Гоббс противопоставил состояние крайней анархии – своего рода анархический беспредел, свойственный обществу с разрушенной государственностью. В XXXI главе эта мысль выражена им довольно четко: «естественное состояние, т. е. состояние абсолютной свободы, в каком пребывают люди, не являющиеся ни суверенами, ни подданными, есть анархия и состояние войны» [3, с. 276]. Из крайности в крайность и от войны к войне двигалась мысль философа. Альтернативой абсолютизму у Гоббса могла быть только абсолютная анархия – результат разрушения былой государственности. Именно таким ему виделось инобытие общества с абсолютистской государственностью. Как видно, между «естественным состоянием» Гоббса и реальными гражданскими войнами эпохи модерна обнаруживаются сходные черты.

Правда, сам Гоббс, рассуждая об истоках «войны всех против всех», связывает их не только с отсутствием «общей власти, держащей всех ... в страхе», но и с тем, что «люди равны от природы». Таковы глубинные истоки этой войны, связанные помимо «абсолютной свободы» и с другим естественным правом – равенством. Последовательно переходя от равенства к взаимному недоверию между людьми, основные причины такой войны Гоббс все же находит в так называемой «природе человека». И в качестве таких причин он выделяет, во-первых, соперничество, во-вторых, недоверие, в-третьих, жажду славы [3, с. 93, 94, 95].

Спору нет, все три склонности, которые Гоббс выделил у «естественного человека», так или иначе проявляли себя в деятельности не только европейцев эпохи модерна, но и первобытных людей. Другое дело, что «перволюдям» в не меньшей степени были присущи и солидарность, и взаимопонимание, и взаимопомощь. Не темные инстинкты, а именно коллективные ценности помогли первобытным людям выжить в суровых условиях. В устах Гоббса вполне органично прозвучало бы замечание, некогда высказанное Августином: «Если младенцы невинны, то не из-за отсутствия воли причинить вред, а из-за недостатка силы». Разделять подобную точку зрения – значит существенно исказить и извращать всю историю первобытности, восточных и востокоподобных цивилизаций. Неслучайно М. Салинз, изучив исторические корни собственной цивилизации, резюмирует: «Западная цивилизация была построена на извращенном и ошибочном представлении о человеческой природе» [4, р. 112]. Человек, по его

мнению, дитя соответствующей культуры. Главная же ошибка Гоббса и его последователей в излишней биологизации природы человека, в результате которой первобытные люди выглядят сущими зверями.

Небезынтересно отметить, что о «звѣриньскомъ образе» жизни славянских соседей полянской Киевщины, древлянах, словно предвосхищая Гоббса, писал в свое время и автор «Повести временных лет»: «живяху звѣриньскимъ образомъ, живоуще скотьски». Не лучшего мнения он был о радимичах, вятичах и северянах: «живяху в лѣсѣ, яко же и всякий звѣр» [5, с. 10–11]. Давно замечено, что столь негативная характеристика славянских обычаев была дана летописцем под влиянием другого документа – Хроники Георгия Амартола. Впрочем, этого не скрывал и сам автор «Повести», которому, в отличие от Гоббса, были совершенно чужды любые аналогии с эпохой генезиса капитализма. Живописуя образ жизни восточных славян, летописец мыслил совершенно иными категориями, не содержащими и намека на индивидуализацию общественной жизни. В летописной картине не нашлось места ни для одиночества, ни для стяжательства, ни для накопительства – характерных примет европейского образа жизни эпохи модерна, искусственно перенесенных Гоббсом в начало времен. На этот прием, свойственный не только Гоббсу, но и другим философам, жившим в ту же эпоху, обратил внимание еще Ж.-Ж. Руссо. Он подчеркивал: «Все, беспрестанно говоря о потребностях, жадности, угнетении, желаниих и гордости, перенесли в естественное состояние представления, которые они взяли в обществе: они говорили о диком человеке, а изображали человека в гражданском состоянии» [6, с. 46].

Исторические соображения, конечно же, довольно значимы при выяснении того, как формировалась подобная модель и почему она представляла собой инобытие английского гражданского общества эпохи модерна. Руководствовавшемуся именно этими соображениями К.Б. Макферсону еще в прошлом веке удалось убедительно показать, что «модель собственнического рыночного общества, и никакая другая, в сущности, соответствует современным конкурентным рыночным обществам, что каждый из ее постулатов необходим для того, чтобы произвести это соответствие, и что эта модель, и никакая другая, отвечает существенным требованиям общества Гоббса» [7, р. 61].

Проблема современности отдельных положений политической теории Гоббса вообще и их значимости для конституционного строительства в англосаксонских странах в частности заслуживает специального рассмотрения. Здесь же важнее обратить внимание на крайний индивидуализм постулатов Гоббса, индивидуализм собственнического толка, который под-

черкивал К.Б. Макферсон, стремившийся к наиболее адекватному и точному пониманию английской политической мысли XVII в. В процессе решения этой задачи он настаивал на «полезности понятия собственнического индивидуализма как центрального допущения либеральной политической теории» [6, р. VI, 377]. Именно это понятие определило название его монографии, именно ему он посвятил не только начальные, но и заключительные страницы своей книги. Неслучайно многие исследователи, включая уже упомянутого М. Салинза, склонны полагать, что именно К.Б. Макферсону удалось лучше всех показать пробуржуазную направленность творчества Т. Гоббса. Надо признать, что очень многие наши западные современники, «не обращая внимания на историю и культурное многообразие», сегодня идут по пути, проторенному Гоббсом. Неудивительно, что «эти энтузиасты эволюционного эгоизма не признают классического буржуазного субъекта в своем портрете так называемой человеческой природы» [4, р. 2].

Налицо вымышленный, искусственный характер «естественного состояния», в котором живут и действуют вымышленные Гоббсом то ли люди, то ли звери. Предложенная им теория природы человека, вне всяких сомнений, представляет собой целую серию постулатов гипотетического свойства. Само же «естественное состояние» понадобилось Гоббсу для демонстрации исходного состояния догосударственного общества, застигнутого в ожидании перехода в новое качество.

Итак, «естественное состояние» виделось Гоббсу как нечто более раннее, предшествующее гражданскому обществу. Но было бы крайним упрощением рассматривать его только в качестве творца юридических и политических фикций. Наряду с несомненными проявлениями идеалистического конструктивизма в творчестве Гоббса обнаруживают себя и черты конструктивизма реалистического. Мыслитель верно подметил, что всем представителям рода человеческого, в какую бы эпоху они не жили, присуще стремление к безопасности и порядку. Подобное стремление, по мысли Гоббса, разделял и «естественный человек», который, пытаясь обеспечить себе самозащиту и самосохранение, избежать страданий и боли, заключал договор с такими же одинокими и столь же агрессивными людьми. Для достижения желанной цели – безопасного сосуществования друг с другом по этому договору – они добровольно передали все свои права и свободы кому-то одному из своей среды – новоявленному суверену, который теперь был вправе требовать полного повиновения от своих подданных. Так потребность в общественной безопасности была сведена Гоббсом к индивидуальным потребностям «естественных людей», преследовавших эгоистические цели личной самозащиты, самосохранения и благополучия,

вступивших в договорные отношения и породивших своими действиями государство. Касаясь этого важного вопроса – «перехода от естественного состояния к гражданскому», И.Ш. Зарка отметил: «В самом деле, мы все еще плохо понимаем, что делает этот пассаж возможным. Действительно, как мы можем перейти от логики конфронтации и войны к социальному пакту, который подпадает под юрисдикцию юридической логики? Другими словами, как перейти от факта к праву» [8, р. 41].

О вопросах, связанных с переходным от первобытности к цивилизации периодом, речь впереди. Здесь же надо отметить, что, создавая свою собственную теорию общественного договора, Гоббс практически не считался с эмпирическими фактами, реальной истории он предпочел геометрию с ее наглядностью, ясными и четкими положениями, самоочевидными принципами. Тем поразительнее та неожиданная поддержка, которую некоторые из его логических построений находят со стороны виднейших современных антропологов – М. Мосса и М. Салинза. В результате необычно тонкого прочтения знаменитого творения первого вторым было сделано весьма интригующее признание: «С точки зрения Мосса, как и по Гоббсу, подструктурой общества является война. В специфическом, социологическом смысле. "Война каждого с каждым"» [9, с. 160].

Принимая тезис об «угрозе войны», перманентно витавшей над первобытными коллективами, М. Салинз, подобно Моссу и Гоббсу, квалифицирует первобытность как «эпоху повышенного страха и враждебности» [9, с. 163]. При таком подходе даже знакомый многим отечественным авторам потлач выглядит в качестве «сублимации тяги к войне», а реципрокные отношения приобретают преимущественно договорной характер. Выходит, что Мосс, развивая свое учение о всеобщей системе обмена дарами, повсеместно свойственной первобытности, независимо от Гоббса пришел к сходным выводам. В самом деле, задолго до французского антрополога Т. Гоббс чисто дискурсивным путем сформулировал свой «первый и основной естественный закон», согласно которому «следует искать мира и следовать ему» [3, с. 99]. Другое дело, что, приводя конкретные примеры «тонких взаимоотношений между деревнями и людьми», Моссу удалось показать, «как при постоянной угрозе войны празднества и обмен примиряют между собой примитивные группы» [9, с. 162].

По Салинзу, первобытные коллективы, действительно, заключали договоры со своими соседями, но не в индивидуальном порядке. Вступая в договорные отношения с подобными себе общностями – с такими же первобытными коллективами: кланами и племенами, первобытные люди преследовали главную цель – обеспечение мира. Эта мысль звучит реф-

реном у Салинза, нашедшего африканскую параллель меланезийским примерам Мосса. Он приводит высказывание одного из бушменов: «Самое худшее, что можно сделать, – не дарить подарков. Когда люди друг друга не любят, но один из них дарит подарок, а другой вынужден его принимать, это обеспечивает мир между ними. Мы отдаем то, что у нас есть. Это способ жить вместе» [9, с. 169].

Ни Мосс, ни Салинз не стремились увековечить буржуазные взгляды на природу человека. Ни тот ни другой не приняли гоббсианской картины перехода от первобытности к цивилизации, оценив ее как сугубо упрощенную, исключавшую промежуточные этапы и формы. Одним из таких этапов на пути к государству и цивилизации выступает вождество, которое, как стало достоверно известно, далеко не всегда перерастало в государство. Наряду с вождествами в течение исторически длительного времени сохранялись и многочисленные племена, которые периодически оказывали достойное сопротивление соседним государствам и представляли собой альтернативные им политические структуры. Проблема переходного периода вместе с разнообразием этапов и форм, путей к цивилизации совершенно выпала из поля зрения не только Гоббса, но и всех ранних теоретиков социального контракта. Не могли они предвидеть и того, что тотальный обмен дарами, столь характерный для эпохи первобытности «всеобщий договор», не приводил ни к обособлению публичной власти от общества, ни к возникновению государства. Ибо главная цель, которая преследовалась первобытными людьми в таком обмене и в таких договорных отношениях, – вовсе не создание «общества политического», а «примирение общества сегментарного» [9, с. 157].

Как бы то ни было, из философов эпохи модерна первый, кому удалось научно разработать развернутую теорию общественного договора, был именно Т. Гоббс. Общественный договор, с его точки зрения, был «событием», во время которого люди объединились и уступили некоторые из своих личных прав, чтобы другие уступили свои. Например, один человек отказывается от своего права убить другого человека, если тот в свою очередь поступит точно так же. Это привело к созданию государства, суверенного образования, каким были люди, находящиеся отныне под его властью, которое теперь создавало бы законы для регулирования социальных взаимодействий. Следовательно, жизнь этих людей уже не была «войной всех против всех». Весь договорный процесс является взаимным переводом его участников в качественно новое, теперь уже гражданское, политическое состояние, которое сопровождалось кардинальным изменением их статуса.

Как видно, чтобы выйти из естественного состояния и войти в гражданское общество, согласно Гоббсу, необходимо было заключить договор. Но сам философ утверждал, что любые договоры невозможны в таком состоянии, когда отсутствуют законы и общая власть, способная принуждать к соблюдению соглашений. Поэтому без общей власти, которой должны подчиняться участники договорных отношений, будет ничтожен даже Ветхий Завет. Дело в том, что при отсутствии такой власти любой, кто исполнит соглашение первым, не будет уверен, что другой исполнит его вообще. Гоббс ясно дает понять: «Законы и договоры сами по себе не дают исхода из состояния войны всех против всех» [1, с. 663]. В поисках выхода из этой затруднительной ситуации он дополняет свою первоначальную концепцию «естественного состояния» двумя идеями: естественных законов и феномена Бога. Законы были призваны обеспечивать действенность возложенных на себя участниками соглашения обязательств. Бог же рассматривался в качестве носителя общей для них власти, обеспечивающей соблюдение законов. Поясняя свою мысль, философ отмечает: «Поэтому все, что два человека, не подчиненные гражданской власти, могут сделать, – это заставить друг друга поклясться тем Богом, которого они боятся» [3, с. 109]. Таким образом, даже у людей, находившихся в естественном состоянии, появлялась возможность заключить общественный договор.

Касаюсь деталей этой идейно-теоретической конструкции, Гоббс полагает, что человек может либо отказаться от своего права, либо передать его другому участнику соглашения. В определенной мере и то и другое предполагает ограничение свободы, препятствующее контрагенту воспользоваться своим правом на то же самое. Далеко не случайно взаимную передачу права Гоббс называет договором. Когда же речь идет об особом договоре – общественном договоре, реализация которого приводит к появлению политического сообщества – государства, то возникает настоятельная потребность в детализации составных частей этого громоздкого механизма. Именно эта задача решается в XVII главе «Левиафана», в которой государство предстает как искусственное образование – продукт соединения множества людей, вступивших в особые договорные отношения – «договор всех со всеми». При этом «каждый как бы говорит каждому: я даю этому человеку или этому собранию полномочие или уступаю ему мое право самому управлять собою с тем, чтобы и ты также дал ему полномочие и уступил бы ему твое право управлять тобой» [1, с. 667].

Казалось бы, авторская позиция предельно ясна: множество людей, движущихся к заветной цели – к созданию государства, идут по пути взаимных уступок и компромиссов, отчуждая в пользу друг друга свои права

и полномочия. Но только что рассмотренному фрагменту предшествует фрагмент иного содержания, в котором проводится мысль о необходимости перенести «на какое-нибудь одно лицо, единое или коллективное», во все не личные права и полномочия, а «личную власть и силу». Ибо в этом случае речь идет об учреждении общей власти, способной погасить не только внутреннюю вражду, но и обеспечить защиту «государства и людей» от внешних врагов. Одновременно с уточнением авторского понимания государства, которое «есть нечто большее, чем союз или согласие», чем «множество людей», здесь обосновывается и другой путь движения к государству. Как и в предыдущем случае, каждый член общества должен был смириться с отчуждением своих личных атрибутов, но теперь наблюдается появление привилегированного субъекта – суверена, в пользу которого и происходит отчуждение всей личной власти и силы каждого человека. Таким образом, главным выгодоприобретателем становится суверен, «воле и суждению» которого каждый человек должен будет «подчинять свою волю» [1, с. 667]. Поэтому на первом плане здесь оказывается вовсе не общественный договор, а другие категории – власть и воля.

Общественный договор – доминанта заключительной части главы, посвященной происхождению государства. Гоббс завершит ее строками: «По заключению такого договора все множество людей обращается в одно лицо и называется государством или республикой. Таково происхождение того великого ЛЕВИАФАНА, или того смертного Бога, которому мы, по милости бессмертного Бога, обязаны миром и безопасностью» [1, с. 667].

Легко заметить, что в приведенном высказывании нет даже намек на возможность заключения договора между народом и сувереном. Отсутствие прямого указания или даже обмолвки по поводу такой возможности ни в коей мере нельзя признать случайностью, в противном случае Гоббсу пришлось бы выдвигать и раскрывать идеи об ответственности суверена перед народом, о его участии в общественном договоре в качестве одной из сторон этого соглашения. Для Гоббса, сторонника полной передачи прав и полномочий суверену, и то и другое совершенно неприемлемо. Неудивительно, что в более позднем издании своего «Левиафана» (1668), которое вышло в свет в латинском переводе, мыслитель, как верно подметил А.Ф. Филиппов, настойчиво проводит идею иного толка – идею «авторизации». Суть ее сводится к тому, что «суверен получает полноту прав по соглашению, в котором сам не участвует» [10, с. 32]. Сам же Гоббс в другом своем произведении – «О гражданине», вышедшем в 1642 г., настаивает на том, что лица, «обладающие верховной властью в государстве, не являются связанными перед кем бы то ни было различ-

ными соглашениями» [11, с. 116]. Здесь, как и в английском издании «Левиафана», философ допускает передачу верховной власти монарху лишь на определенный срок, а наряду с монархией допускает существование аристократии и демократии.

Зато в «Бегемоте», написанном как продолжение «Левиафана» в 1668 г. после Реставрации Стюартов, мы не встретим прямого указания даже на общественный договор. В этом произведении Гоббса больше занимали перипетии гражданской войны, развернувшейся в Англии между роялистами и революционерами. Показав себя принципиальным противником гражданской войны, идейным врагом любой оппозиции королевской власти, Гоббс обосновывает ее легитимность, полагаясь на принцип наследования, в силу которого правящая тогда династия Стюартов якобы обладала давним наследственным правом. В его трактовке оно восходит к временам нормандского завоевания. По словам самого Гоббса, «в 1640 г. в Англии существовало монархическое правление», а «правивший тогда король Карл, первый из носивших это имя, царствовал в силу наследственного права, насчитывавшего свыше шестисот лет» [12, с. 591]. Таким образом, рациональная модель легитимизации верховной власти сводится к идее мнимого династического континуитета, начало которого отнесено к 1066 году.

Судя по всему, Гоббс полагал, что народ, начиная с Вильгельма Завоевателя, добровольно передал верховную власть нации в руки своих королей и их наследников. Казалось бы, что такое предположение явно противоречит выводам самого Гоббса, содержащимся в XVII главе первоначального варианта «Левиафана». Здесь он противопоставляет государство, возникшее путем насилия, государству, учрежденному людьми, добровольно передавшими «верховную власть человеку или собранию людей» [1, с. 668]. Но «для теории естественного права», по меткому замечанию Г. Еллинека, «вопрос о возникновении государства ... есть вопрос права», а государство, «созданное путем завоевания» наряду с «договорным государством» рассматривалось «как основанное на правовых актах». Такое же видение происхождения государства было присуще «средневековой теологической схоластике», представители которой, действительно, могли узаконить многие злоупотребления своих правителей, включая захваты чужих территорий. Налицо стремление к удержанию идейного наследия Средневековья, обнаружившее себя в творчестве теоретиков юснатурализма [13, с. 274]. Это же стремление проявилось в XIX главе «Левиафана», где рассматриваются различные виды государств, основанные на установлении, а также проблема преемственности. В данной главе английская монархия с ее вековыми наследственными

правами выглядит гораздо предпочтительней собрания, облеченного верховной властью. Не скрывая своих монархических симпатий, Гоббс отмечает, «что при монархии человек, обладавший верховной властью, потомок рода, являющегося носителем верховной власти на протяжении 600 лет, человек, которого одного называли сувереном, который каждым из своих подданных титуловался величеством и беспрекословно признавался королем ...» [3, с. 145]. Вопреки очевидным фактам автор «Левиафана» настойчиво проводит мысль о том, что между Вильгельмом I и Карлом I, принадлежащими к совершенно разным династиям, якобы существовала прямая правовая преемственность.

В позднейшем, латиноязычном, варианте «Левиафана», опубликованном в том же году, в каком был написан «Бегемот», «Гоббс как бы усиливает идею об абсолютистско-монархическом характере верховной власти» путем замены английского термина «commonwealth» на латинское слово «monarchia». Другой же латинский термин – «civitas», обычно применявшийся для обозначения государства, слишком тесно ассоциировавшийся с государством-республикой, теперь употреблялся в порядке исключения [3, с. 624–625]. Хотя Гоббс создавал свою теорию генезиса государства в качестве универсальной, он не мог оставаться равнодушным к событиям, происходившим в своей собственной стране. Своеобразной реакцией не только на Реставрацию Стюартов, но и на предшествующие ей революционные события стали, по крайней мере, две идеи – идея усиления абсолютистско-монархического характера верховной власти и идея о ее вековых наследственных правах.

Как бы то ни было, сложносоставная концепция Гоббса, сочетающая в себе самые разные идеи, индивидуализм и волюнтаризм, юснатурализм и контрактаризм, была и остается ярким примером мастерского применения искусственных конструкторов к разрешению труднейшей проблемы происхождения государства. Эволюция же взглядов выдающегося мыслителя на форму правления в контексте событий и процессов, происходивших на его родине, заслуживает углубленного анализа, который выходит за рамки настоящего исследования.

Библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан / [пер. с англ. А. Гутермана]. М. : Рипол Классик, 2016. 606 с.

2. Harrison R.T. Hobbes, Locke and Confusion's Masterpiece: An Examination of Seventeenth-Century Political Philosophy. N. Y. : Cambridge University Press, 2002. 288 p. URL: <https://b-ok.global/book/2220777/a5780a>.

3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. в 2 т. / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 732 с.

4. Sahlins M. The Western Illusion of Human Nature: With Reflections on the Long History of Hierarchy, Equality, and the Sublimation of Anarchy in the West, and Comparative Notes on Other Conceptions of the Human Condition. Chicago : Prickly Paradigm Press, 2008. 116 p. URL: <https://b-ok.global/book/997257/c34e3f>.

5. Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука : Санкт-Петербургск. издательск. фирма, 1996. 668 с.

6. Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / подгот. В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин. М. : Наука, 1969. 703 с.

7. The political theory of possessive individualism Hobbes to Locke by C.B. Macpherson. Oxford ; N. Y. : Oxford university press, 1962. 186 p. URL: <https://ru.b-ok.com/book/2953386/448107>.

8. Zarka Ch.Y. Hobbes and modern political thought. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1995. 272 p. URL: <https://b-ok.global/book/2953012/9fb1ce>.

9. Салинз М. Экономика каменного века = Stone age economics / [пер. с англ. О.Ю. Артемовой и др.]. М. : ОГИ, 1999. 296 с.

10. Филиппов А.Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // Гоббс Т. Левиафан / [пер. с англ. А. Гутермана]. М. : Рипол Классик, 2016. 606 с.

11. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. 304 с.

12. Гоббс Т. Бегемот, или Долгий парламент // Гоббс Т. Соч. в 2 т. / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 732 с.

13. Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 752 с.

Дата поступления: 01.03.2021

TIMONIN Anatoly Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru

**THOMAS HOBBS ON THE ORIGIN OF THE STATE:
EXPERIENCE IN INTEGRATED ANALYSIS
OF THE COMBINED CONCEPT**

The topical task of the national legal science at the present stage of its development is the need to rethink the works of the classic of iusnaturalism and contractarism – Thomas Hobbes, who made a great contribution to the development of the ideological and theoretical foundations of the state and law of the Euro-Atlantic civilization. **Purpose:** to give a comprehensive analysis of the etatgenetic concept of Thomas Hobbes. **Methods:** the author uses the methods of dialectical and formal logic, interpretation, as well as historical, logical, problem-theoretical, comparative, textual methods. **Results:** The historical context in which this concept was formed is studied. The fundamental principles that permeate the entire content of this concept are revealed: individualism and voluntarism. Its essential characteristics are given, which reflect a complex, bizarre combination of very different principles: idealism and realism, outright fiction and empiricism. The natural law and contractual principles are particularly prominent among them. Their combination with the leading role of the social contract determined the essence of the concept under consideration. It is reported that despite the broadest application of a purely discursive approach, Thomas Hobbes deservedly gained worldwide fame as a result of the masterly implementation of his artificial constructs in the process of scientific solution of the most complex problem of the origin of the state.

Keywords: «natural state»; «war of all against all»; origin of the state; «Leviathan»; social contract; individualism; voluntarism.

References

1. Hobbes T. *Leviafan* [Leviathan]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2016. 606 p.
2. Harrison R.T. Hobbes, Locke and Confusion's Masterpiece: An Examination of Seventeenth-Century Political Philosophy. New York, Cambridge University Press Publ., 2002. 288 p. Available at: <https://b-ok.global/book/2220777/a5780a>.

3. Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*. In Hobbes T.; Sokolov V.V. (ed.). *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Mysl Publ., 1991, vol. 2. 732 p.

4. Sahlins M. *The Western Illusion of Human Nature: With Reflections on the Long History of Hierarchy, Equality, and the Sublimation of Anarchy in the West, and Comparative Notes on Other Conceptions of the Human Condition*. Chicago, Prickly Paradigm Press Publ., 2008. 116 p. Available at: <https://b-ok.global/book/997257/c34e3f>.

5. Adrianova-Peretz V.P. (ed.). *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. 2nd ed. St. Petersburg, Nauka Publ., St. Petersburg Publishing Company Publ., 1996. 668 p.

6. Rousseau J.J. *Discourses on the origin and foundations of inequality between people*. In Rousseau J.J. *Traktaty* [Treatises]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 703 p.

7. The political theory of possessive individualism Hobbes to Locke by C.B. Macpherson. Oxford, New York, Oxford university press Publ., 1962. 186 p. Available at: <https://ru.b-ok.com/book/2953386/448107>.

8. Zarka Ch.Y. *Hobbes and modern political thought*. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 1995. 272 p. Available at: <https://b-ok.global/book/2953012/9fb1ce>.

9. Salins M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone age economics]. Moscow, United humanitarian publishing house Publ., 1999. 296 p.

10. Filippov A.F. The structure of power in «Leviathan» by Thomas Hobbes. In Hobbes T. *Leviafan* [Leviathan]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2016. 606 p.

11. Hobbes T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine* [Philosophical foundations of the doctrine of the citizen]. Minsk, Harvest Publ., Moscow, ACT Publ., 2001. 304 p.

12. Hobbes T. *Behemoth, or Long Parliament*. In Hobbes T.; Sokolov V.V. (ed.). *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, vol. 2. 732 p.

13. Jellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General doctrine of the state]. St. Petersburg, Legal Center Press Publ., 2004. 752 p.

Received: 01.03.2021